

КОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕВИАЦИИ
И УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ
РЕЧЕВОГО ЖАНРА

COMMUNICATIVE DEVIATIONS
AND CIRCUMSTANCES OF EFFICIENCY
OF SPEECH GENRE

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы успешности построения и восприятия речевых жанров в кооперативном общении. На примере коммуникативных неудач (коммуникативных девиаций), позаимствованных из художественной литературы на русском и украинском языках, формулируются условия успешности построения и восприятия речевых жанров в устном модусе общения как одного из ключевых понятий лингвистической генологии, включающего взаимосвязи между языковым воплощением намерений участников общения и нелингвистическими составляющими построения и восприятия речи.

Ключевые слова: коммуникативный акт, речевой жанр, речевой акт, условия успешности речевого жанра, коммуникативная девиация, пропозиционное содержание.

Abstract. The article presents an analysis of the problem of the efficiency of construction and perception of speech genres in cooperative communication. Exemplified by samples of communicative failures (communicative deviations) taken from Russian and Ukrainian fiction, the circumstances of the efficiency of construction and perception of speech genres in the oral modus of communication are formulated, where the oral modus is viewed as one of the key notions of linguistic genology that includes interrelations of the lingual realization of the communicants' intentions and non-lingual constituents of speech construction and perception.

Key words: communicative act, speech genre, speech act, circumstances of the efficiency of a speech genre, communicative deviation, propositional content.

Сведения об авторе: Бацевич Флорий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания.

Место работы: Львовский национальный университет им. Ивана Франко, филологический факультет.

E-mail: florij@in.lviv.ua

About the author: Batsevich Floriy Sergeyevich, Head of Department of General Linguistics, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Ivan Franko Lvov National University, Faculty of Philology.

Наблюдения над коммуникативным поведением участников вербальных интеракций (особенно в их устной форме) свидетельствуют о наличии коммуникативных неудач (девиаций), связанных с функционированием речевых жанров (далее РЖ) в дискурсах разных типов (см., например, обзор литературы в [1]). Один из возможных ответов на вопрос К. Ф. Седова «что такое норма речевого жанра и как можно квалифицировать ошибки, нарушения в ее соблюдении?» [2 : 74] может быть таким: значительная часть подобных девиаций возникает в силу нарушения имплицитных по своей сущности прагматических условий успешности порождения адресантом и восприятия адресатом конкретных типов РЖ. Рассмотрим пример из художественной литературы:

– Володя, что же ты такое сотворил! Разве ты не знаешь, какие силы стоят за этим бритоголовым Николашей? ... Ведь я тебя просил – и это ты хорошо помнишь – не делать поспешных шагов в этом чертовски сложном деле. А ты? ... Что ты наделал!

– Ты меня упрекаешь? – как-то очень живо спросил Владимир, словно только этого и ожидал.

– Что ты? – растерялся Сергей. – Я тебя не собираюсь упрекать. Я только хочу напомнить тебе, моему другу и компаньону, давний совет ничего не предпринимать в этом направлении. И только. ... А теперь давай думать, как выбираться из всего этого! (И. Пальцун. Свои и чужие).

Восприятие Владимиром слов Сергея как упрека неслучайно: ряд языковых форм (что же ты такое сотворил!; Ведь я тебя просил; А ты? Что ты наделал!), интонационные средства (представленные в печатном тексте восклицательным знаком) и общий коммуникативный смысл фрагмента позволяют его классифицировать таким образом. Вместе с тем, судя по словам Сергея, упрек не входил в его коммуникативный замысел (если, конечно, он от него в последний момент не отказался). Иначе говоря, в цитированном фрагменте общения семантика РЖ «упрек» не соответствует общей прагматической установке говорящего. Отсюда ощущение коммуникативной неудачи

одного из участников общения (Сергея). Иначе говоря, существуют определенные условия, по которым в пределах кооперативного типа общения возможно взаимопонимание его участников, обмен конкретными РЖ или их фрагментами – речевыми актами (далее РА).

В целом условия успешности общения – это необходимые и достаточные предпосылки осуществления недевиативного коммуникативного акта, достижение участниками общения согласия. Общие условия успешности коммуникативного акта включают ряд частных условий: наличие потребности в общении, настроенность на внутренний мир адресата (эмпатия), умение проникать в коммуникативный замысел (интенцию) собеседника, навыки варьирования способов языкового представления конкретного дискурсивного события, учет внешних обстоятельств протекания интеракции, умение придерживаться норм этикетного языкового поведения, соответствие планов и реальных схем воплощения интенций и замыслов и некоторые другие (см., напр.: [1 : 121–126; 3 ; 4 : 41–173]). Традиционно лингвисты основными условиями успешности общения считают необходимость построения соответствующих модусных и модальных характеристик высказываний, их перформативных составляющих [5 : 225]. Общие условия успешности глубоко имплицированы в процессы коммуникации, меняются в зависимости от конкретных контекстных и ситуативных условий общения; их, как правило, можно выявить и формализовать в случаях анализа коммуникативных неудач, недоразумений, непонимания, недопонимания и других типов языковых и коммуникативных девиаций.

В аналитической философии, а затем лингвистической прагматике понятие условий успешности было сформулировано для РА и прежде всего для перформативных высказываний Дж.Остином [6], а также разных типов прямых и не прямых РА (см., напр.: [6– 9; 10 : 199–201; 11 : 289–306] и др.). Условия успешности РА – это, как отмечал Дж. Серль, необходимые и достаточные условия «для успешного и недефектного осуществления акта» [12 : 162]. С позиций теории РА условия успешности – это, как правило, имплицитные семантико-прагматические коммуникативные смыслы пропозициональных составляющих, компоненты семантического разложения соответствующих перформативных и иных типов глаголов [13 : 63].

Несмотря на то, что в специальной литературе проблемы успешности РА и некоторых типов дискурсов освещены достаточно полно (см. литературу в [14 ; 15]), специфика

проявления и типология условий успешности РЖ остаются, фактически, не проясненными. Понятно, что для каждого конкретного типа РЖ набор этих условий будет уникальным, однако, на наш взгляд, есть все основания говорить о некоторых общих условиях успешности речежанровых образований как дискурсивных категорий. Ниже, используя примеры различных типов коммуникативных девиаций, имеющих место при порождении и восприятии РЖ в художественных произведениях на русском и украинском языках, попытаемся эксплицировать наиболее частотные типы проявлений их условий успешности в пределах кооперативного (или формально кооперативного) общения.

Наблюдения над девиациями в живом межличностном общении дают возможность говорить о том, что условия успешности опираются на коммуникативную организацию типичных РЖ в типичных контекстах и ситуациях общения.

Понятно, что классификация условий успешности РЖ может быть построена с опорой на любую из составляющих коммуникативного акта. В частности, можно говорить об условиях успешности порождения РЖ (личность адресанта), их восприятия (личность адресата); условиях успешности, связанных с физическим, психологическим, когнитивным и т.п. состоянием участников общения; спецификой каналов коммуникации, а также условиях успешности, проявляющихся в случаях влияния разных типов коммуникативного шума (физического, физиологического, психологического) и др. Однако, на наш взгляд, наибольшее внимание заслуживает типология, опирающаяся на критерии различения языковых и неязыковых условий успешности. Опираясь на эти критерии, выделим три типа условий успешности РЖ, выразительно эксплицируемых в разных контекстах и ситуациях общения: 1) условия успешности, касающиеся внешних (не языковых) аспектов порождения и восприятия РЖ; 2) условия успешности, связанные с организацией языкового кода в процессах порождения и восприятия РЖ. В пределах этого типа можно выделить два подтипа: а) касающиеся семантики и синтактики языковых средств и б) связанные с коммуникативным смыслом этих языковых средств, имеющих комплексную природу (см., в частности, [Бацевич 2005]); 3) условия успешности, касающиеся прагматических аспектов организации и функционирования РЖ. Поскольку условия успешности РЖ и случаи их нарушения относительно пунктов 1 и 2а, в лингвистической литературе представлены

довольно полно (см. примеры и литературу вопроса в [14]), ниже рассмотрим наиболее частотные случаи девиаций, сформулированных в пунктах 2б и 3, попутно отмечая некоторые случаи типов 1 и 2а.

Условия успешности, касающиеся семантики и синтактики языковых средств воплощения РЖ

Условия успешности РЖ этого типа прежде всего опираются на умения выбора говорящим (адресантом, автором) соответствующих их интенциям и замыслу языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических), а также разнообразных типов семантической и семантико-прагматической информации имплицитного характера (пресуппозитивного и ассертивного содержания, инференций, импликаций, импликатур и др.), РА, соответствующих конкретному типу РЖ, и др. Проиллюстрируем положение о необходимости соответствия семантики языковых средств интенциям построения РЖ примером из рассказа А. П. Чехова «Дипломат»:

Герой рассказа полковник Пискарев, которого родственники только что умершей Анны Кувалдиной послали к ее мужу с целью «осторожной его подготовки» к восприятию трагической новости, так строит текст, что доводит своего слушателя до истерики и потери сознания. Девиативность построения текста «успокоение» состоит в том, что Пискарев постоянно употребляет имена, дескрипции и предикаты, непосредственно относящиеся к тематической сфере «смерть»: вдовец, покойница, царство ей небесное, развязала тебя, вечный покой, панихида, не то чтобы умерла, а так... и т.п., а также глагольные формы прошедшего времени: я не любил ее; ты от нее ничего хорошего не видел и др.

Этот пример демонстрирует несоответствие семантики употребленных Пискаревым языковых средств типовым речевым средствам воплощения РЖ «успокоивания» или «подготовки собеседника к восприятию трагического известия».

Условия успешности, касающиеся смысловой организации РЖ

Условия успешности этого типа касаются значительного количества возможных вариантов смысловой организации РЖ, их «событийного» смысла. Ниже остановимся на двух достаточно частотных случаях проявления нарушений этого типа.

Известно, что каждый РЖ характеризуется спецификой проявления коммуникативных смыслов (см. подробнее [15]). В пределах конкретных типов РЖ наблюдаются свои

законы организации узуальных (априорных) и актуальных (апостериорных) коммуникативных смыслов, их взаимодействие, движение и т.п. Так, например, в письме как регулярном типе общения смысл манифестируется в описательно-информативном дискурсе. Соответственно, стереотип регулярного письма выглядит как совокупность РА, которые развивают определенную тему из ряда тем, важных для межличностного узуса корреспондентов. Иначе говоря, в случае, например, регулярной дружеской переписки для сохранения условий успешности должно иметь место определенное (хотя бы самое минимальное) информационное «движение» смыслов. Фрагмент письма, который представлен ниже, демонстрирует нарушение этого условия: наблюдается информационное «вращение» без сюжетного «продвижения» вперед:

*Дорогой Никандр Андреевич,
получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то, было, подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что, когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твое письмо и сразу подумал, что кажется, оно не от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу – точно от тебя. <...> Я сразу, как получил твое письмо, сразу решил, что оно от тебя, и потом, я очень рад, что ты уже женился. <...> Я очень обрадовался, как увидел твое письмо и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, пока распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом все-таки я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. <...> Я рад за тебя потому, что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А также рад и тому, что ты написал мне письмо. Я еще издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя. А потом думаю: да нет, конечно от тебя. <...> (Д. Хармс. Письмо)*

Безусловно, с точки зрения «идеального» дружеского письма регулярного характера приведенный выше «шедевр» эпистолярного стиля необходимо признать аномальным. Вместе с тем легко представить адресата приблизительно такого же уровня мировосприятия, как и адресант, для которого подобное письмо будет информативным, коммуникативно достаточным, хотя бы по причине интуитивного осознания важности подержания этикетного общения.

Еще одной важной разновидностью условий успешности можно считать необходимость обращения к типичным для определенного РЖ априорным коммуникативным смыслам. Несоблюдение этих условий становится причиной коммуникативных девиаций, касающихся, прежде всего, аспектов восприятия РЖ адресатом (слушателем, читателем). Рассмотрим пример:

Микола підходив повільно. Було помітно, що він перебудовував своє обличчя з безтурботного на скорботне.

– Привіт, Ігоре. Я лише вчора дізнався, що трапилося...

«Зараз почне довго, методично, за всіма законами жанру висловлювати співчуття», – занудьгував Ігор, також роблячи обличчя відповідним ситуації. (М. Ілленко. Друзі)

В этом примере Игорь, не будучи филологом по образованию, точно определяет категориальную природу того высказывания, которое, как правило, касается речевой «процедуры» сочувствия, квалифицируя его как жанр. Можно утверждать, что узуальный (априорный) смысл РЖ проявляется как коммуникативный навык построения достаточно типизированных высказываний с характерной для них интенцией (адресант) и привычного восприятия именно этого коммуникативного смысла (адресат). Нарушение первого или второго условия становится причиной коммуникативных девиаций, то есть, прежде всего, «вычитывания» адресатом коммуникативного смысла, который адресант в РЖ не вкладывал. В представленном ниже примере, который уже рассматривался нами по другому поводу (см. [16]), наблюдается несоответствие типичной формы РЖ «признательность» актуальной форме, превращающей его в иной речежанровый тип – «угрозу»:

– Та що ти, Варко, – одмагалася від тієї вдячності вчителька. – Головиха і сама має розум і серце, їй підказувати не треба.

– Розум і серце має, так... Але вашого добра я вам не забуду, як хочете.

«Варка немов погрожує своєю майбутньою вдячністю», – подумалось Олені Левківні, й вона усміхнулась. (Є. Гуцало. Шкільний хліб)

Условия успешности, касающиеся прагматики порождения и восприятия РЖ

Этот тип условий успешности имеет ряд подтипов. Для понимания его сущности рассмотрим пример реализации РЖ «извинение» в одной из коммуникативных ситуаций:

В свое время москвичи со смехом рассказывали следующую историю. Известный и всеми уважаемый граф Х поместил в одной из газет объявление, в котором он приглашал в свою карету для общего путешествия по Европе двух желающих джентльменов с целью приятного времяпрепровождения в дороге. Братья Жемчужниковы и граф А. К. Толстой (создатели образа Козьмы Пруткова) предприняли шуточную акцию. Глубокой ночью к графу Х явился один из братьев Жемчужниковых и, аргументируя свои действия срочностью и важностью, попросил слугу разбудить хозяина. Когда тот явился, шутник в самых изысканных выражениях извинился за то, что он не может принять приглашение графа и составить ему компанию в путешествии. В следующие две ночи история повторилась в исполнении других участников шутки. Эта история стала известной государю императору, который «отечески пожурил молодых шалунов».

Почему этот шутливый поступок молодых людей не только не был воспринят графом Х как «серьезное», «искреннее» извинение, а справедливо квалифицировался как издевательство, в лучшем случае шутка? На наш взгляд, не только потому, что шутники извинялись ночью, что не отвечает общепринятым внешним условиям успешности самой «процедуры» извинения, а прежде всего потому, что нарушенным оказалось важное условие успешности прагматического характера, касающееся воплощения априорных коммуникативных смыслов, которое достаточно приблизительно (как, впрочем, большинство категорий прагматики) можно определить так: «типичное («нормальное», узуальное) извинение предусматривает искренность того, кто извиняется, и его личную «ангажированность» (даже если она присутствует исключительно в сознании адресанта) в ситуации, в которой он считает себя виновным». Иными словами, не стоит извиняться за то, что тебя не касается, за что ты (или твоё окружение, за которое ты несешь определенную ответственность), не совершал.

Понятно, что такой тип условий успешности РЖ отличается от рассмотренных выше, поскольку опирается на иные типы коммуникативных смыслов (априорных и апостериорных), а также смыслов прагматических, «погруженных» в конкретный процесс общения, порождения типичного РЖ «извинение». Этот тип условий успешности имеет своей основой когнитивную деятельность человека, его коммуникативную память, опирающуюся на употребление типичных (узуальных) РЖ, и в целом имеет природу имплицитур. Такой тип прагматических условий успешности можно квалифицировать как и м п л и к а т у р ы Р Ж .

Еще одним подтипом условий успешности РЖ можно считать необходимость придерживаться стилевых и регистровых норм их воплощения. Неумышленное нарушение этого условия может стать причиной коммуникативных неудач, а сознательное его игнорирование – источником комического. Рассмотрим примеры записей в книге жалоб и предложений из рассказа А. П. Чехова «Жалобная книга», не отвечающих общепринятой серьезной тональности официального документа:

«Милостивый государь! Проба пера!» Под этим нарисована рожица с длинным носом и рожами. Под рожицей написано: «Ты картина, я портрет, ты скотина, а я нет. Я – морда твоя».

«Кто писал не знаю, а я дурак читаю».

«Господа! Тельцовский шулер!»

«Катенька, я вас люблю безумно!»

Примером несоответствия психологического состояния и коммуникативной роли одного из участников общения, его неумения построить соответствующие РЖ, которые соответствовали бы предложенным иным участником тональности и атмосфере общения, может служить известный юмористический рассказ А. П. Чехова «Толстый и тонкий»:

[Узнав, что толстый стал уже тайным советником, худой так строит свои высказывания]:

– Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможис-с! Хи-хи-с.

– Ну полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чиновочитание!

– Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, еще более съезживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... Вроде как бы живительной влаги... <...>

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощание руку.

Представленная в статье типология условий успешности далеко не исчерпывающая; ее стоит рассматривать всего лишь как одну из возможных попыток выявления их природы и роли в процессах порождения и восприятия РЖ как категорий коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики и других направлений современной науки о языке. Условия успешности РЖ – одно из ключевых понятий лингвистической генологии, синтезирующих взаимосвязи между языковым воплощением намерений участников общения и нелингвистическими составляющими по-

строения и восприятия речевых жанров образований. По своей коммуникативной сущности условия успешности РЖ – это нежесткие тенденции порождения адресантом и восприятия адресатом типичных РЖ, «отработанных» в пределах достаточно частотных контекстов и ситуаций общения, которые сформировались в течение определенного (иногда весьма значительного) времени и сконцентрировали в себе наиболее характерные соответствия всем важнейшим жанровым составляющим в процессах непрерывного кооперативного общения носителей конкретной этнолингвокультуры. Поскольку РЖ – более сложно организованная категория коммуникации сравнительно с РА, ее условия успешности предполагают большее количество составляющих межличностного общения. В отличие от условий успешности РА, проявляющихся преимущественно с опорой на условия истинности их пропозиционального содержания, условия успешности РЖ проявляются на более широком дискурсивном фоне, включающем в себя, фактически, все составляющие коммуникативного акта. Выполнение условий успешности РЖ – необходимое основание для их построения и восприятия; не учитывая эти условия, нельзя построить и понять адекватные ситуации и контексту общения РЖ. Выявление условий успешности РЖ, установление их типов с учетом специфики общения в пределах конкретной этнолингвокультуры – важная проблема современной коммуникативной лингвистики, лингвистической прагматики, дискурсологии, теории и практики межкультурной коммуникации и, конечно, лингвистической генологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мустайоки А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 120–141.
2. Седов К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М. : Языки славянских культур, 2004. 320 с.
3. Виноградов С. И., Платонова О. В. [и др.]. Культура русской речи. М. : Высш. шк., 1999. 549 с.
4. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М. : ИНФРА-М, 2003. 272 с.
5. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 223–235.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 22–129.
7. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.

8. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 195–222.

9. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М. : Прогресс, 1986. С. 242–264.

10. Thomas J. Meaning in Interaction : an Introduction to Pragmatics. L. : Routledge, 1995. 240 p.

11. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия. М. : Рипол классик, 2002. 315 с.

12. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 151–169.

13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью М. : Наука, 1985. 272 с.

14. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної девіатології. Львів : Видавничий центр Львів. нац. ун-ту, 2000. 236 с.

15. Бацевич Ф. С. Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів : ПАІС, 2010. 336 с.

16. Бацевич Ф. С. Речевой жанр и коммуникативный смысл // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : ИЦ Наука, 2005. С. 112–122.

REFERENCES

1. Mustajoki A. Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach [Speech genres and risks of communicative failures]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

2. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost'. Evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality. Evolution of communicative competence]. Moscow, 2004. 320 p.

3. Vinogradov S. I., Platonova O. V. etc. *Kul'tura russkoy rechi* [Culture of Russian speech]. Moscow, 1999. 549 p.

4. Goykhman O. Ya., Nadeina T. M. *Recheyaya kommunikatsiya* [Speech communication]. Moscow, 2003. 272 p.

5. Dem'yankov V. Z. «Teoriya rechevykh aktov» v kontekste sovremennoy zarubezhnoy lingvisticheskoy literatury [«Theory of speech acts» in the context of modern foreign linguistic literature]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 223–235.

6. Ostin J. Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 22–129.

7. Searle J. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 170–194.

8. Searle J. Kosvennye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 195–222.

9. Searle J., Vanderveken D. Osnovnye ponyatiya ischisleniya rechevykh aktov [Basic notions of enumeration of speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 242–264.

10. Thomas J. *Meaning in Interaction: an Introduction to Pragmatics*. London, 1995. 240 p.

11. Klyuev E. V. *Recheyaya kommunikatsiya. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstviya* [Speech communication. Efficiency of speech interaction]. Moscow, 2002. 315 p.

12. Searle J. Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 151–169.

13. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nostyu* [Utterance and its interrelationship with reality]. Moscow, 1985. 272 p.

14. Batsevich F. S. *Basics of communicative deviatology*. L'viv, 2000. 236 p. (in Ukrainian).

15. Batsevich F. S. *Notes on linguistic pragmatics*. L'viv, 2010. 336 p. (in Ukrainian).

16. Batsevich F. S. Recheyoy zhanr i kommunikativnyy smysl [Speech genre and communicative sense]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 112–122.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике